

Ф

ИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ РАН¹

Р

HILOSOPHICAL INVESTIGATIONS OF MEANING AT THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RAS

Куслий Петр Сергеевич – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: kusliy@yandex.ru

Petr Kusliy – candidate of philosophical sciences, a researcher at the Institute of Philosophy, RAS.

(Рецензия на книгу: Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ ; отв. ред. А.Ю. Антоновский, А.Л. Никифоров. М. : ИФ РАН, 2013.)

(Review of *Lingvistika, komunikacija i istorija: semantičeskij analiz*. M., 2013 (Antonovski A. Nikiforov A. (eds.). *Linguistics, communication and history: semantic analysis*. M. : Institute of Philosophy RAS, 2013.))

В предисловии к изданию составители пишут, что вошедшие в него статьи посвящены анализу понятия значения и смысла в логической семантике, лингвистике, теории коммуникации и социальных науках. Это, по-видимому, не совсем так. Правильнее было бы сказать, что вошедшие в сборник статьи посвящены тем или иным проблемам в области формальной семантики, методологии гуманитарных наук и теории коммуникации, при решении которых используется семантический анализ, и так или иначе ставится вопрос о смысле и значении. И в этом аспекте данный сборник является действительно репрезентативным: он, насколько я могу судить, довольно полно представляет фи-

лософско-языковые исследования, которые ведутся сегодня в Институте философии РАН. С этой точки зрения обретает смысл и название сборника: речь идет о семантическом анализе в области проблем лингвистики, истории и коммуникации. Релевантность картинки с обложки, правда, остается за-

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00588.

гадкой: силуэт взлетающей вороны на фоне силуэта молодой женщины – картина «Маленькая птичка». К чему бы это?

Как бы то ни было, такая дисциплинарная разнонаправленность представленных в сборнике девяти статей, авторами которых являются четыре сотрудника Института философии РАН, обязывает к обозрению содержания этой книги по принципу вклада каждого отдельного автора, поскольку именно этот критерий оказывается наиболее удачным для данных целей.

В статье «Интерпретация в естественных и гуманитарных науках» *А.Л. Никифоров* ставит вопрос об одном из различий в методологии естественных и гуманитарных наук: о специфике описания в них исследуемой области. Любое описание, утверждает автор, подразумевает интерпретацию описываемого объекта или события. Однако если в естественных науках интерпретация осуществляется на общепринятом научном языке, едином для всех исследователей, то описание в гуманитарных науках помимо интерпретации релевантных объектов и событий, подобно естественно-научной интерпретации, также включает в себя интерпретацию намерений и целей, которые приписываются действующим субъектам и играют немаловажную роль в общем гуманитарно-научном объяснении. На примерах исторических описаний автор иллюстрирует существующий в гуманитарных науках разброс интерпретаций при описании одних и тех же исторических событий.

Той же проблематике посвящены и две другие статьи *Никифорова*, в которых более подробно ис-

следуется работа историка. В них общая концепция автора дополняется исследованием дистанцированности между историком и объектом его исследования. В отличие от естествоиспытателя, имеющего дело с чувственным опытом или данными прибора, историк контактирует с объектом своего исследования опосредованно, через источники и свидетельства. Более того, намерения субъектов историку приходится реконструировать, имея еще меньше однозначных данных.

В порядке комментария к утверждениям автора хотелось бы отметить, что проблема временной дистанцированности историка от исследуемого события и необходимости опираться исключительно на источники вряд ли делает его работу специфически сложной. Ведь описание настоящего, в отличие от прошлого, оказывается не менее сложной задачей, ибо быть свидетелем события еще не значит быть способным дать ему удовлетворительное объяснение. По-видимому, помимо философии, нет дисциплины, занимающейся описанием настоящего, хотя другие отдельные гуманитарные науки (например, экономика, политология, социология) стремятся описывать настоящее в отдельных его аспектах. И если *Никифоров* прав насчет исследовательских особенностей гуманитарных наук, описанных выше, то задача историка представляется даже более простой, чем задача ученого-гуманитариста, описывающего настоящее: конечное число источников является важным ограничением исследовательской сферы историка и фактором, упрощающим его задачу. Тот, кто описывает настоя-

щее, имеет дело с несоизмеримо большим числом свидетельств, интенций и прочих доступных ему факторов. И если так, то, по-видимому, исследования настоящего (а не прошлого) должны служить наиболее показательными примерами исследовательской методологии гуманитаристики.

В статье «Коммуникация и наблюдение как универсальный биологический, нейрофизиологический и коммуникативный процесс» А.Ю. Антоновский исследует понятие наблюдения и его отношение к природе коммуникации. Причем коммуникация определяется как базовый элемент общества. Последнее сводится, по мнению автора, к совокупности коммуникаций. Понятие наблюдения представлено как родовое по отношению к коммуникации (и соответственно к базовым процессам, которые являются определяющими для понятия общества). Основополагающая функция наблюдения – это фиксация внимания (сознания) на каком-то определенном феномене, отделяемом от других (конкурирующих) феноменов в силу того или иного установленного отличия, которое ему присуще. Автор, используя понятийный аппарат современной теоретической социологии, анализирует ряд признаков, присущих составляющим общество коммуникациям: «наличие *собственных значений* как условий упорядочивания систем; замкнутый, рекурсивный характер коммуникативных систем и систем переживаний личности; временной или событийный характер протекания коммуникативных процессов; свойства “повторного вхождения” отличенного (от процессов сознания и коммуникации) “внутри” соз-

нания и “внутри” коммуникативного обсуждения; принцип “слепого пятна” или ненаблюдаемости самих медиа или средств наблюдения в процессе наблюдения» [Антоновский, 2013: 16–17]. Автор стремится продемонстрировать не только присутствие этих свойств в базовых процессах существования общества, но и указать на то, что они согласуются с базовыми процессами наблюдения в нейрофизиологических и биологических процессах, в частности в процессе появления аксона у одноклеточных. К сожалению, у меня нет возможности дать здесь обстоятельное описание и оценку данным идеям автора, поэтому я оставляю их читателю для самостоятельного ознакомления.

Статью «Форма и значение в языке, сознании и коммуникации» Антоновский посвящает понятию формы в его фундаментальном философском понимании. Присутствие данного понятия автор отслеживает в лингвистике и философии сознания с целью установить те способы, которыми форма обуславливает возможность понимания в указанных дисциплинах. Данная работа осуществляется на материале концепций Ф. Хайдера (медиавосприятия и медиакоммуникации) и Дж. Спенсера-Брауна (понятие формы в языке).

Статья А.В. Миглы «Проблемы антиреалистской интерпретации собственных имен в аналитической философии» посвящена, насколько я смог установить, не столько проблемам этих интерпретаций, сколько обстоятельному обзору самих этих интерпретаций или, точнее, теорий, авторы которых отстаивают антиреалистский подход к семантическому анализу

пустых имен. Суть данного подхода сводится к утверждению того, что пустых имен не существует, а языковые выражения, имеющие признаки имен собственных, но не обозначающие никакие конкретные объекты, именами не являются.

Чтение данного текста интересно: автор предлагает весьма точную характеристику упомянутых теорий и представляет их в максимально выгодном и убедительном свете, однако у читателя остается ощущение, что несмотря на всю их убедительность, сама автор не принимает данные теории. Защищенная А.В. Миглой в 2013 г. кандидатская диссертация «Референция “пустых” терминов как философская проблема», в которой автор отстаивает, наоборот, их реалистскую интерпретацию, объясняет данную стилистическую особенность статьи, которая, однако, сама по себе не содержит критики антиреалистских теорий, оставляя у читателя ощущение некоторой недосказанности. К странноватым особенностям текста хотелось бы отнести и то, что приводимые англоязычные цитаты автор не переводит, а дает в оригинале, что непривычным образом выделяет их внутри общего русскоязычного повествования.

В статье *Е.В. Востриковой* «Семантика и прагматика: современные подходы», как и следует из названия, представлен обзор концепций, так или иначе решающих вопрос о проведении границы между семантикой и прагматикой, вопрос, который является одним из наиболее обсуждаемых в современной философии языка. В статье показано, что ареной для дискуссий становится не столько класси-

ческое противостояние между денотативными концепциями значения и экспликациями значения языковых выражений в терминах употребления, сколько зависимость значений выражений от контекста (в том числе и контекста употребления). В статье перечислены основные проблемы для денотативной семантики, вокруг которых происходят дискуссии относительно границы между семантикой и прагматикой: семантика грамматического времени (которая рядом концепций объясняется прагматически); принципы ограничения сферы действия естественно-языковых кванторов; так называемые непересекающиеся (non-intersective) прилагательные и их семантика и др. Автор исследует ряд подходов (или кластеров теорий), предлагающих объяснение данным проблемам. Среди них два основных: контекстуализм и буквализм. Контекстуализм требует введения прагматических аспектов в семантику. Главным современным представителем контекстуализма является известный французский философ языка Ф. Реканати, работы которого практически не обсуждаются в отечественной философской традиции. Буквализм утверждает, что семантическое содержание высказываний – это то, что в них буквально сообщается, поэтому контекстно-зависимые прагматические факторы не могут оказывать какого-либо значимого влияния на семантическое содержание. К одному из подвидов буквализма относится такой известный современный философ языка, как Дж. Стэнли, чья концепция также рассматривается в обзоре.

В меньшей степени обзорной и в большей степени исследовательской является статья Востриковой «Проблема жесткой десигнации в семантике имен собственных» [Вострикова, 2013]. В ней автор формулирует и отстаивает так называемый метадескриптивный подход к семантике имен собственных. Данный подход заключается в экспликации имени собственного как определенной дескрипции, содержащей цитирование имени собственного, значением которого она является. Например, значением имени «Аристотель» является определенная дескрипция «человек, носящий имя “Аристотель”». Имена собственные, таким образом, согласно позиции автора, должны интерпретироваться как выражения, содержащие скрытый определенный артикль (подобно английскому the) и предикат (коим и является каждое имя собственное само по себе). Иными словами, по мнению автора, мы должны признать, что, говоря «Аристотель», мы имеем в виду «[the] Аристотель», и эта дескрипция тождественна дескрипции «[the] носитель имени “Аристотель”».

Данную концепцию Вострикова не просто постулирует, а подробно обосновывает, отличая от ряда других версий металингвистического дескриптивизма, а также защищая от ряда известных аргументов против имен как скрытых определенных дескрипций, сформулированных С. Крипке и некоторыми его последователями. Так, к важным доводам в поддержку металингвистического дескриптивизма, по мнению автора статьи, относятся: (i) тот факт, что в целом ряде естественных языков (среди которых испанский и некоторые диа-

лекты немецкого) имена собственные употребляются с артиклями; (ii) даже в тех языках, где такое употребление отсутствует в систематическом виде, существует набор случаев, где оно все же допустимо, причем не только с определенным артиклем, но и другими определителями (“the Smiths”, «некоторые Саши»); (iii) в естественном языке есть целый ряд случаев, когда имя собственное употребляется в значении «человек, именуемый так-то». (Здесь, пожалуй, парадигмальным примером будет приведенное Куайном предложение «Джорджионе так звали из-за его размера» (Giorgione was so-called because of his size) [Quine, 1953: 139].)

Металингвистический подход к семантике имен, по мнению Востриковой, дает простое и интуитивно понятное объяснение тому, почему оба предложения «Луис верит, что Супермен летает» и «Луис не верит, что Кларк Кент летает» могут быть истинными, не делая необходимым приписывание Луис противоречивости мышления (ибо Кент Кларк = Супермен). Защита от так называемого модального аргумента Крипке [Kripke, 1980], предлагаемая Востриковой, сводится к указанию на возможность манипулирования сферой действия определенной дескрипции: «Человек по имени Аристотель мог бы именоваться Аристотелем» может быть как всегда ложным (при *de dicto* прочтении), так и истинным (при *de re* прочтении определенной дескрипции).

Здесь, однако, остается непонятным, как автор объясняет случаи, при которых предложение «Аристотель мог бы не быть Аристотелем» рассматривается как ло-

гическое противоречие при наличии в мире оценки Аристотеля. Иными словами, если мы понимаем это предложение как всегда ложное, то, с точки зрения Востриковой, это возможно лишь при *de dicto* прочтении определенной дескрипции «человек, именуемый «Аристотель»». И тогда в каждом возможном мире, где есть тот или иной носитель имени «Аристотель», это предложение будет ложным. Однако в тех возможных мирах, где никто не носит имя «Аристотель», данное предложение не будет иметь истинностного значения. Это существенным образом отличается от того, что мы имеем, если рассматриваем имя собственное как обозначающее конкретного индивида. В описанной ситуации предложение «Аристотель мог бы не быть Аристотелем» будет ложным во всех мирах, а не только в тех, где кто-то носит это имя. И в этом, как мне представляется, заключается важная особенность семантики имен собственных, которая не вполне учитывается в аргументации по этому вопросу, приводимой Востриковой. Проще говоря, в описанной ситуации будут миры, в которых теория Востриковой будет прогнозировать, что предложение «Аристотель не Аристотель» не имеет истинностного значения, тогда как правильное предсказание иное – оно будет носить значение «ложь».

Автор, однако, признает, что простые предложения «Аристотель именуется Аристотелем» и «Человек по имени Аристотель именуется Аристотелем» имеют «различный модальный профайл» (первое – случайная истина, второе – логическая истина). Это рассуждение приводит ее к распро-

страненной концепции введения переменных по возможным мирам в интерпретацию предикатов, которые указывают на тот мир, в котором интерпретируется предикат. Коротко говоря, это приводит автора к утверждению о том, что переменная при предикате определенной дескрипции должна иметь особый постоянный индекс, указывающий на действительный мир. Поэтому значением «Аристотель» в мире w_0 становится дескрипция «человек, носящий имя «Аристотель» в мире w_0 ».

В таком виде теория Е.В. Востриковой действительно технически корректно задает значение имени собственного посредством определенной дескрипции. Однако, насколько я могу судить, это дается весьма высокой ценой, поскольку здесь определенная дескрипция уже перестает, строго говоря, быть определенной дескрипцией в ее стандартном понимании. Такая дескрипция уже не выбирает в каждом возможном мире тот единственный объект, который является элементом множества, обозначаемого предикатом этой дескрипции в этом мире. Во всех мирах такая дескрипция уже выбирает один и тот же объект независимо от его свойств в этом мире. Данная специфика делает дескриптивное содержание подобной дескрипции не «квалитативным» в чистом виде, а, наоборот, превращает ее по всем своим логическим характеристикам в жесткий десигнатор. Если так, то тогда вряд ли можно считать металингвистический дескриптивизм Востриковой дескриптивизмом в полной мере этого слова. Думаю, здесь не лишним будет вспомнить, что в рамках классических дискуссий между сторонни-

ками теорий дескриптивной и прямой референции данные темы обсуждались применительно к использованию оператора «действительно» в определенной дескрипции. Н. Сэлмон по этому поводу пишет: «Такие термины, как “действительный” (actual), являются в точности теми терминами, на которые распространяется теория прямой референции. Свойство действительного авторства [в случаях определения имени “Шекспир” как человека, в действительности являющегося автором “Гамлета” (т.е. который в действительном мире написал “Гамлета”. – П.К.)] не является чисто качественным свойством, которого требует ортодоксальная [дескриптивистская] теория» [Salmon, 2005: 27]. Таким образом, как мне представляется, есть основания признать, что либо представленная в статье теория металингвистического дескриптивизма дает неверные предсказания (как было показано выше), либо она не является в полной мере дескриптивистской.

Более того, предложенное рассмотрение имен собственных как предикатов, являющихся лишь частью определенной дескрипции, делает весьма затруднительным определение самих имен собственных. Если мы говорим, что «Аристотель» – это предикат, входящий в дескрипцию «[the] Аристотель», то что же тогда обозначается термином «Аристотель»? Обозначает ли «Аристотель» индивидуальный объект? Если я правильно понимаю автора, то, согласно представленной теории, «Аристотель» не обозначает индивидуального объекта; индивидуальный объект обозначается всей дескрипцией. Но если так, то это значит, что «Аристотель» уже и не

имя собственное, а предикатный знак. Но мы ведь все же отличаем такие термины, как «Аристотель», от таких стандартных предикатов, как «сильный», «бежит» и др. Таким образом, принимая концепцию Востриковой, мы, как кажется, теряем возможность отличать такие термины, как «Аристотель», от таких терминов, как «сильный».

В указанной сложности есть и положительный аспект, который, на мой взгляд, является главной заслугой данной статьи. Автор наглядно показывает, что если строго и последовательно рассматривать имена собственные как конкретные выражения естественного языка, то следует признать, что данные выражения могут иметь вхождение как на позиции того, что в логической семантике считается именем, так и на позиции того, что в ней считается предикатом. А если так, то из этого следует, что имя собственное, о котором говорят философы и логики, это логико-семантическая категория и ее правильнее было бы обозначать «жестким десигнатором». В таком случае Вострикова права, а Крипке не прав, ибо такие естественно-языковые выражения, как «Аристотель», которые мы, тем не менее, считаем именами собственными, не всегда выполняют функцию жесткой десигнации. Иногда в естественных языках функцию жесткой десигнации выполняет не имя «Katja», а выражение «die Katja». Имена собственные в логическом смысле (т.е. индивидуальные константы) и то, что называется именами собственными в естественном языке, не всегда одно и то же.

Сказанное, однако, оставляет без ответа вопрос о том, что же тогда такое имена собственные в ес-

тественном языке. К счастью, его исследование не входит в задачи данной рецензии.

Заканчивая общий обзор, книги хотелось бы отметить некоторые особенности издания. Во-первых, как в ряде случаев следует из указаний самих авторов, некоторые тексты являются доработанными версиями работ, опубликованных ранее в периодических научных изданиях. Во-вторых, замет-

на недостаточно качественная работа редакции: в текстах довольно много опечаток и других ошибок, отсутствует унификация в написании фамилий отдельных западных философов (например, «Стросон» и «Строссон»).

В целом же хотелось бы еще раз подчеркнуть репрезентативный характер издания и высокий качественный уровень вошедших в него исследований.

Библиографический список

Антоновский, 2013 – Антоновский А.Ю. Коммуникация и наблюдение как универсальный биологический, нейрофизиологический и коммуникативный процесс // Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ. М., 2013. С. 16–30.

Антоновский, Никифоров, 2013 – Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ; отв. ред. А.Ю. Антоновский, А.Л. Никифоров. М., 2013.

Вострикова, 2013 – Вострикова Е.В. Проблема жесткой десигна-

ции в семантике имен собственных // Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ. М., 2013. С. 163–182.

Kripke, 1980 – Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, 1980.

Quine, 1953 – Quine W.V. Reference and Modality // From a Logical Point of View. N.Y., 1953.

Salmon, 2005 – Salmon N. Reference and Essence. 2nd edition. Armherst, N.Y., 2005.